

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ШТУДИЯХ

Т.Е. Баженова

*Самарский государственный социально-
педагогический университет
tatyabazhenova@yandex.ru*

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖДИАЛЕКТНЫХ СВЯЗЕЙ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРОВ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Аннотация: В статье рассматривается лексика самарских говоров с точки зрения междиалектных соответствий. Приводятся примеры диалектных слов, география которых соответствует внутридиалектному членению самарских говоров. На материале тематических групп лексики природы показывается сохранение диалектной принадлежности к материнским, преимущественно владимирско-поволжским основам. Делается вывод о том, что лексика вторичных говоров имеет признаки системной организации в отдельных тематических группах диалектной лексики.

Ключевые слова: самарские говоры, территории позднего заселения, диалектная лексика, региональный словарь.

Одной из нерешенных проблем диалектологии является системное представление, введение в научный оборот и глубокое исследование лексики народных говоров полевыми методами на всей территории распространения русского языка. Недостаточная научная разработанность лексического уровня диалектного языка констатируется не только применительно к периферийным говорам, но и в отношении тех говоров, изучение которых началось значительно раньше и которые полностью охвачены макроатласами и сводными диалектными словарями [Гранова, 2019, с.254-255; Васильев, 2019, с.187-188].

Значительные по объему словарные материалы, накопленные в регионах России в результате многолетней работы над диалектологическими атласами и словарями, показали большие возмож-

ности использования современных народных говоров в коммуникативной функции языка и заставили по-новому взглянуть на организацию диалектных лексико-семантических систем.

Задача системного описания диалектной лексики затрудняется сложностью самого объекта изучения — переселенческих говоров Поволжья, характеризующихся переходностью, разнородностью, подвижностью диалектных систем. В условиях сложного лингвистического ландшафта самарского Поволжья, где диалектное слово в каждой частной диалектной системе живет индивидуальной жизнью, задача сбора лексического материала и его лексикографического описания является одной из наиболее сложных.

Начиная с 1939 года, изучение диалектной лексики в Куйбышеве (Самаре) осуществлялась силами преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов родственных кафедр классического и педагогического университетов. Сотрудничество лингвистических кафедр в Самаре развивалось и поддерживалось благодаря усилиям таких известных ученых, как В.А. Малаховский, А.Н. Гвоздев, Д.И. Алексеев, Е.С. Скобликова.

Среди основных характеристик, определяющих специфику самарских говоров, называется вторичность лексических диалектных особенностей по отношению к говорам раннего (исконного) русского заселения. Это было установлено ещё ранними диалектологическими экспедициями 1939—1940 гг. в правобережные приволжские районы [Малаховский, 1942]. В.А. Малаховский, характеризуя лексический уровень диалектного языка обследованных им окающих говоров, обращает внимание на то, что лексика, которую принято считать типично севернорусской (например, *за-род*, *орать* в диалектном значении, *баской* и др.), не зафиксирована, но зато в них богато представлена лексика, характерная для многих восточных окающих говоров.

Со временем сформировалось общее научное представление о словарном составе самарских говоров, отмечены характерные черты лексического уровня вторичных диалектных систем: 1) преобладание междиалектной лексики, характеризующейся широкой употребительностью; 2) сосуществование в частных диалектных системах лексических единиц, имеющих различную диалектную приуроченность; 3) отражение в лексике широких связей с говорами соседних регионов и результатов межъязыковых контактов.

Систематизация диалектной лексики по тематическому принципу позволила выделить целый ряд регулярно фиксируемых лек-

сических групп традиционной диалектной лексики: лексика природы (метеорологическая и ландшафтная лексика), характеристика человека (внешность, названия болезней), сельскохозяйственная терминология (наименования угодий, инвентаря, выращиваемых культур, домашних животных и птиц), названия построек (жилые помещения и помещения хозяйственного назначения), названия некоторых реалий материальной культуры (организации сельского труда, обстановки, посуды, предметов одежды), названия отдельных реалий духовной культуры (родственные отношения, традиционная обрядность, отдельные формулы народного этикета). Полноценной по словарному наполнению является в самарских говорах группа диалектных наречий (*вусейка, вечерь, утрьсь, досюль* и т. п.). Этот ряд тематических разделов стал основой для областного словаря, который долгое время существовал в виде картотеки. Словарные подборки из этой картотеки опубликованы в областной хрестоматии В.А. Малаховского [Малаховский, 1957, с. 162–168], учебных пособиях [В.А. Малаховский и изучение..., 1991, с. 163–359], дополнялись выборкой из трудов Д. И. Алексеева [Алексеев, 1963, с. 190–210], В.Ф. Барашкова [Барашков, 1977, с. 33–72].

Обобщение богатых словарных материалов начато в лингвогеографических исследованиях М.Н. Барабиной и Т.Ф. Зибровой [Барабина, Зиброва, 1998, с. 96–103; 2001, с. 54–58; Барабина, 2006] с применением современных методов работы с большими массивами диалектных единиц и новых подходов к интерпретации лексических явлений в говорах территорий позднего заселения. Особое внимание проблеме установления межтерриториальных соответствий и генетических связей в отдельных лексических группах уделялось в процессе создания Т.Ф. Зибровой и М.Н. Барабиной пробных карт к «Лексическому атласу русских народных говоров» (далее – ЛАРНГ). Например, в результате картографирования лексических особенностей было отмечено, что «лесная» диалектная номенклатура в самарских говорах представлена скудно по сравнению с говорами северных территорий, что объясняется особенностями природно-климатических условий края, однако тематическая группа наименований травянистых растений отличается самобытностью и широкими связями с говорами степной зоны. При создании лексических карт установлено, что реалиям природы и растительного мира в говорах соответствуют чаще всего лексико-семантические и лексико-словообразовательные диа-

лектные варианты, которые обладают поразительной устойчивостью к влиянию литературного языка.

Для ареально-лингвистической характеристики говоров региона обычно привлекаются сведения о фонетических и морфологических диалектных особенностях, что обосновано их очевидной системностью и широкими возможностями количественного анализа. Достаточно полная картина фонетических и морфологических особенностей самарских говоров представлена на картах регионального атласа [Зиброва, Барабина, 2009] и атласа поволжских говоров [Баранникова, 2000]. Установление междиалектных соответствий на уровне лексики стало возможно благодаря поволжскому атласу, который долгое время служил единственным доступным источником сведений о лексике самарских говоров и географии отдельных слов. Еще один, достаточно большой, фрагмент лексико-семантической системы самарских говоров нашел отражение на картах первого выпуска ЛАРНГ «Растительный мир» [ЛАРНГ, 2017]. Картографирование диалектной лексики сделало очевидными диагностические возможности единиц лексического уровня при характеристике говоров территорий позднего заселения. На лексических картах и в отдельных разделах тематического словаря самарских говоров просматриваются признаки системной организации диалектной лексики в отдельных тематических разделах.

На картах тома «Растительный мир» ЛАРНГ территория Самарской области представлена немногочисленными пунктами в окружении почти необследованных районов Татарстана и Ульяновской и Саратовской областей. Разреженность условных обозначений и лакуны на картах объясняются тем, что обширные материалы по самарским говорам были собраны уже после того, как были составлены рабочие варианты карт ЛАРНГ. Но собирательская работа во время подготовки тома «Растительный мир» проводилась, и имеющиеся лексические материалы составили соответствующий тематический раздел регионального словаря. Сопоставление данных ЛАРНГ со словарными материалами тематического раздела показывает перспективность установления междиалектных соответствий на уровне лексики в комплексной характеристике переселенческих говоров.

Прежде всего отмечается, что и лингвогеографические, и лексикографические данные соответствуют объективно сложившим-

ся природно-климатическим условиям нашего региона. Среди наименований объектов растительного мира (284 слова в нашей выборке для тематического раздела регионального словаря) собственно диалектные наименования разновидностей леса и отличительных признаков отдельных деревьев и их частей массово фиксируются в лесостепной зоне области, где на нашей территории зафиксирован наиболее плотный ареал окающих говоров.

В целом лексика природы в самарских говорах характеризуется широким диапазоном варьирования, однако в ряде случаев диалектные наименования объектов растительного мира имеют полярную диалектную приуроченность. Особую ценность имеют фиксации диалектных лексем с устойчивой локализацией, которые можно использовать в качестве самостоятельного критерия при определении диалектного статуса и внутрдиалектного членения переселенческих говоров.

Так, например, в северных, северо-западных районах Самарской области встречаются диалектные наименования ягод с суффиксом -иг(а): *земляни́га*, *клубни́га*, *ежевьи́га*. В раннепереселенческих говорах Самарской Луки и прилегающего Правобережья Волги, а также в окающих говорах на северо-западе области зафиксированы лексемы *кули́га* 'поляна, участок в лесу' [СРНГ, вып.16, с. 61], *ко́лок* 'небольшой лесок' [СРНГ, вып.14, с. 162], *волжа́нка* 'гриб волнушка' [СРНГ, вып. 05, с. 38], *де́бря* 'чаща, дремучий лес' [СРНГ, вып.07, с. 313], имеющие, согласно лексикографическим и лингвогеографическим источникам, ареалы и отдельные фиксации во владимирско-поволжских окающих говорах и примыкающих к ним севернорусских вологодских, архангельских, ярославских, костромских, вятских говорах.

Преимущественно на юге области отмечены лексемы, зафиксированные в словарях и лексических атласах с указанием на тульские, воронежские, рязанские, орловские, курские, тамбовские говоры: *воню́чка* 'душистая трава (о.н.)' [СРНГ, вып.03, с. 467], *гай* 'небольшой лиственный лес' [СРНГ, вып. 06, с. 95]. Только в этой части самарских говоров отмечены лексемы *куро́вник* 'разные виды полыни', 'заросли кустарника' [СРНГ, вып. 16, с. 139], *куей* 'болотная трава, растение семейства осоковых, разновидность камыша' [СРНГ, вып. 15, с. 393] и др., которые имеют лексикографические фиксации не только в традиционных южнорусских говорах, но и в кубанских, астраханских, волгоградских говорах.

В пределах отдельных тематических групп диалектной лексики самарских говоров устанавливаются многочисленные междиалектные связи с говорами ближайших территорий, откуда в самарское Поволжье пришли наиболее ранние и массивированные переселенческие потоки. Так, среди наименований грибов в самарских говорах отмечаются многочисленные соответствия с восточными владимирско-поволжскими говорами: *сосёнка* 'маслёнок' [ЛАРНГ, с. 633-634], *берёзник*, *берёзник*, *боровик* 'подберёзовик' [ЛАРНГ, с. 652-653], *пенёчник*, *осённый*, *луговичок* 'опёнок' [ЛАРНГ, с. 642-643], *волжанин*, *волжанка* 'волнушка' [ЛАРНГ, с. 616], *свиноройка* 'свинушка' [ЛАРНГ, с. 666], *сыроега*, *синюха*, *краснушка* 'сыроежка' [ЛАРНГ, с. 670-671]. Лексемы *кулак*, *кулачок* 'валуй', *дед*, *дедушкин табак* 'дождевик', *дунька* 'свинушка' отмеченные точно в самарских говорах, на картах ЛАРНГ образуют компактные ареалы в среднерусских акающих и примыкающих к ним севернорусских говорах (костромских, ярославских, вологодских) [ЛАРНГ, с. 611, 619, 666], лексема *синюха* 'сыроежка' — в вятских и пермских говорах [ЛАРНГ, с. 677], точечные фиксации в пермских, нижегородских говорах имеет слово *вишенка* 'трутовик' [ЛАРНГ, с. 677]. В материалах тематического словаря самарских говоров нам встретились также наименования грибов с компонентом *губа*, к сожалению, не включенные в индекс карты №156 ЛАРНГ. См.:

Губа, ж. -ы, мн. 1. Гриб. Кошк. 2. Липовый лес. Приволж. ◇ **Коровьи губы**. Грибы (какие?). Шигон. ◇ **Дунькина губа**. Гриб маслёнок. Хвор.

Губка, ж. Маслёнок. Хвор. ◇ **Васины губки**. Несъедобные грибы. *А то мохоморы, васины губки — это зовут большие такеи, их пинают, как найдут, это несъедобны (Ставр.).*

В комментариях к карте ЛАРНГ «Употребляется ли и в каких значениях слово *губы*?» значение 'съедобный гриб' у лексемы *губы* имеет устойчивую локализацию в севернорусских говорах, известно оно и в среднерусских владимирско-поволжских говорах, а значение 'несъедобный гриб' «имеет более узкий ареал: зафиксировано в вологодских и костромских говорах, а также в среднерусских владимирско-поволжских» [ЛАРНГ, с.599].

Связи с южнорусскими говорами в группе наименований грибов в самарских говорах представлены гораздо беднее: зафиксированы лексемы *приберёзовик* 'подберёзовик', имеющая ареал в орловских и рязанских говорах [ЛАРНГ, с.653], *свиных* (мн.ч. *свиных*), *свиношук* 'свинушка' — характерная особенность южнорус-

ских говоров [ЛАРНГ, с.666], и *говорушка*, *пенёчник* 'опёнок', бытующие преимущественно в курско-орловской группе и тамбовских говорах южнорусского наречия [ЛАРНГ, с.643].

Не образующая ареалов диалектная лексика, которая составляет основную часть словарного фонда современных говоров, представлена междиалектными соответствиями, не обусловленными основными фонетическими и грамматическими особенностями говоров самарского Поволжья, например, лексемы *жгучка*, *обжига* 'крапива' [ЛАРНГ, с. 514-515]. Такие соответствия образуются регулярно, часто многочисленны и включают как собственно диалектные лексемы, так и варианты общеупотребительных слов. Как правило, такие слова имеют очень широкую географию и на картах общего атласа.

Признаки диалектной приуроченности к материнским основам севернорусских или южнорусских говоров в лексике самарских говоров имеют нерегулярный характер, зато очевидна их принадлежность к другим, преимущественно окающим, говорам. Так, например, в составе ландшафтных наименований в самарских говорах активно используются междиалектные лексемы, образующие широкий ареал в Поволжье и в Предуралье (*студенец* 'родник, источник с холодной ключевой водой', *луга* 'луг, лес, огибаемый рекой', *калужина* 'лужа, яма, заполненная водой'; *наслуз*, *наслуд* 'вода, выступившая на поверхности льда'). Ряд диалектных наименований природных объектов указывает на сходство самарских говоров с другими поволжскими и южноуральскими говорами: *солянка* 'источник с соленой водой', *барак* 'овраг', *проран* 'проток в устье реки', *эрик* 'небольшая речка, непроточный рукав реки', *ильмень* 'водоем, возникший на месте русла высохшей реки', *лиман* 'озеро, образуемое стоком талых вод', *мар* 'возвышенное место', *бур* 'хворост, упавшие сучья', *пердунок* 'кормовая трава разных видов: люцерна, пастушья сумка, клевер', *таблак* 'тюльпан Шренка', *весённый* 'восточный ветер'.

Проявлением системообразующих факторов могут служить парадигматические отношения между единицами одного класса, одной тематической группы слов. Неочевидность этих отношений в синхронном срезе отдельного говора объясняется тем, что разные единицы, находящиеся в парадигматических отношениях, не могут быть употреблены одновременно в речи одного или нескольких носителей диалекта. Преодолеть противоречие между синхроническим принципом фиксации отдельных лексических еди-

ниц и диахроническим характером лексико-семантических систем позволяет методика системного анализа семантических связей в пределах отдельных фрагментов диалектного словаря. Она является своеобразным продолжением системного подхода к диалектной лексике, который является основополагающим в лингвогеографии.

Формат тематического представления слов позволяет выявить наличие структурных связей в диалектной лексике. Состав тематических групп формируется с учетом регулярных номинационных компонентов, с помощью которых обеспечивается устойчивость отдельных лексических разрядов, и дифференциальных семантических признаков, которые характеризуются большой вариативностью, иногда связанной с индивидуальными особенностями языка диалектоносителя (идиолекта). Эта вариативность, явление безусловно сложное, создает впечатление диалектной пестроты, неупорядоченности, которое усугубляется неблагоприятными условиями существования говоров в современной общей языковой ситуации. Только с учетом регулярных номинационных компонентов в современных говорах возможна фиксация целых групп актуальной лексики, в которых просматриваются признаки структурной организации.

Так, в тематическом разряде «Растительный мир» самарского областного словаря выделяются названия лесных массивов и лесных участков (например, *бревённый* 'здоровый, прямой строевой лес', *густарник* 'густой лес', *гарник*, *горельник* 'горелый лес', *дубник* 'дубовый лес', *дубрónник* 'лиственный лес' и др.), деревьев (*ломíна* 'сломанное бурей дерево', *лесíна* 'отдельно стоящее дерево', *суши́на* 'сухое дерево' и др.), частей дерева (*деловíна* 'срубленный и очищенный ствол дерева, бревно', *лукмасíна* 'древесная кора, кровельный материал для хозяйственных построек' и др.), кустарников (*таволжа́ник* 'мелкий низкорослый кустарник, таволга', *куро́вник* 'густые заросли кустарника', *ка́льник* 'верба, заросли вербы' и др.), травянистых растений (*обжéга* 'всякая жгучая трава', *жгу́чка* 'крапива', *серпу́ха* 'трава, которая красит ткани в желтый цвет'), ягод (*кондачи́ха* 'белая смородина', *слепу́ха* 'незрелая ягода' и др.), цветов (*синю́ха* 'василёк', *горицвёт* 'девясил', *ветроду́й* 'одуванчик' и др.), грибов (*наво́зник* 'шампиньон', *коро́вка* 'свинushка', *мормы́шка* 'сморчок' и др.). Анализ лексического наполнения отдельных тематических групп и их структурных особенностей позволяет выделить объективно взаимосвязанные

интегральные семантические компоненты и разнообразные дифференциальные оттенки значения. Думается, что и выбор словообразовательных формантов в лексико-семантических группах не является случайным и хаотичным, а служит средством организации определенного семантического пространства.

Таким образом, лексические изоглоссы так же, как фонетические и морфологические, отличаются высокой информативностью на территории самарского Поволжья. Идеографическое представление диалектной лексики в региональном словаре позволяет заполнить лакуны, которые неизбежно образуются при картографировании.

Анализ семантических связей в составе тематических групп подводит нас к выводу о том, что системные отношения могут проявляться (хотя и не всегда очевидно и последовательно) и на лексическом уровне современных говоров. Основные типологические признаки самарских говоров можно представить с учетом фонетических и грамматических особенностей, но если брать во внимание, кроме того, факты диалектных различий и соответствий в лексике, то региональная картина диалектного членения русского языка приобретает рельефные черты, соответствующие общим характеристикам лингвистического и историко-культурного ландшафта.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Самарской области проекта №18-412-630004 «Диалектное слово в русских говорах самарского Поволжья».

Литература

Алексеев Д.И. Материалы для диалектологической хрестоматии Ульяновской области // Учёные записки Ульяновского гос. пед. ин-та. Т. XVII, вып. VII: Русский язык в школе и вузе. Ульяновск, 1963. С. 190–210.

Барабина М.Н. О сложности картографирования лексики в рамках ЛАРНГ (на примере карты №17 «названия мелкого низкорослого кустарника») // Функционирование языка: категории и методы исследования: материалы региональной научной конференции. Самара, 2006. С. 50–54.

Барабина М.Н., Зиброва Т.Ф. Диалектная лексика и экстралингвистические факторы (названия «леса» в степной зоне Самарского края) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 1998. С. 96–103.

Барабина М.Н., Зиброва Т.Ф. Обозначение реалий растительного мира в лесной полосе Самарского края (в сопоставлении с говорами степной зоны) // Лексический атлас русских народных говоров. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2001. С. 54-58.

Баранникова Л.И. Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000, карт.

Барашков В.Ф. Русские говоры Ульяновской области. Ульяновск, 1977.

В.А. Малаховский и изучение народных говоров Поволжья: Учебное пособие по русской диалектологии / Сост. М.Н. Барабина, О.А. Безуглова, Л.И. Бордунова, Т.Ф. Зиброва. Самара: КГПИ, 1991..

Васильев В.Л. Неиспользуемые ресурсы картотеки Новгородского областного словаря // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / Отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 187–197.

Гранова М. А. Принципы отбора мифологических текстов – источников единиц для электронного «Словаря русской мифологической лексики Пермского края» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / Отв. ред. С.А. Мызников. Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2019. С. 254–271.

Зиброва Т.Ф., Барабина М.Н. Атлас говоров Самарского края. Самара: Самарский университет, 2009, карт.

ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017.

Малаховский В.А. Говоры Новобуянского района Куйбышевской области // Учёные записки Куйбышевского гос. пед. ин-та. Вып. 5. Куйбышев, 1942. С. 57–90.

Малаховский В.А. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия // Учёные записки Куйбышев. пед. ин-та. Вып. 17. Куйбышев, 1957.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой, С.А. Мызникова. Вып. 1-51. М.-Л., СПб.: Наука, 1965-2019.